

ЭЛЬЧИН ИСАКОВ

ДВОЮРОДНЫЙ СЫН

Эльчин Исаков

Двоюродный сын

«Издательские решения»

Исаков Э.

Двоюродный сын / Э. Исаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853510-9

«Аллаху-Акбар» — прозвучало на другом конце Иерусалима. Потом был громкий хлопок и взрыв. Крики, стоны, ослепляющий дым, перевернутый автобус, разлетевшиеся в разные стороны части человеческих тел — все это было после теракта. А что было до? А до, давным-давно, очень давно, еще в пятом веке правитель Йемена принял иудаизм. В этой книге — современная история любви парня и девушки из двух разных древних народов. Евреев и арабов. Что же произойдет после?

ISBN 978-5-44-853510-9

© Исаков Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	14
Глава 8	17
Глава 9	20
Глава 10	21
Глава 11	23
Глава 12	25
Глава 13	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Двоюродный сын

Эльчин Исаков

Редактор Рамиз Фаталиев

© Эльчин Исаков, 2017

ISBN 978-5-4485-3510-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«Аллаху-акбарул – лааху Акбар» – разносилось над Иерусалимом. Доводящий до безумия голос муэдзина, читающего Коран, доносился с минарета. Ахмед торопился. «Да, воистину, Аллах велик, и только Он судья» – подумал он и ускорил шаг, чтобы успеть на утренний намаз.

Мечеть Куббат ас-Сахра (Купол скалы) в Иерусалиме, куда шел Ахмед, считается одной из красивых в мире. На верху ее купола, как почти во всех мечетях, находится символ ислама – звезда, притаившаяся в «объятьях» полумесяца. Каждый мусульманин знает, что звезда напоминает им о пяти столпах, или обязательных ритуалах исламской веры, а полумесяц – о Боге-Творце и лунном календаре, по которому вычисляются исламские праздники и памятные дни.

Мечеть для мусульманина – это все: и место поклонения и школа (медресе – авт.), и место для различного рода собраний, свадебных и юбилейных торжеств. Во многих мечетях имеется собственная библиотека. Многие мусульмане после совершения молитвы нередко остаются, чтобы побеседовать с друзьями, вести дискуссии на религиозные и не только, темы. И собрания по поводу печальных событий мусульмане тоже проводят в мечетях.

Прежде чем войти Ахмед, как и полагается, снял обувь, затем, совершив «вуду» (омовение – авт.), прошел в молитвенную комнату. Как и все молитвенные комнаты, во всех мечетях земного шара и в этой полностью отсутствовали украшения и меблировка, не было ни скамеек, ни стульев. Все сидели на полу, совершая молитву лицом к михрабу, или, как его еще называют «нише света», символу Божественного Присутствия в сердце, что располагался в стене кибла, в стене, обращенной к Мекке. Никто не разговаривал громко, не курил, все вели себя сдержанно и почтительно, как и полагается вести себя в мечетях.

«Аллаху Акбар» – прозвучало на другом конце Иерусалима. Потом был громкий хлопок и взрыв. Крики, огонь, ослепляющий дым, перевернутый автобус, стоны, разлетевшиеся в разные стороны части человеческих тел – все это было потом, после теракта. Иначе описанные события называют «ответным действием палестинцев на вчерашние события в Газе». А может. ...Может, оставим это занятие, и поинтересуемся, что было до?

Глава 2

А что было до? Был красивый юноша – со своим характером и нравом, со своими мечтами и печалью. И радостями, время от времени. Палестинцам испытывать радость долго нет никакого шанса. Не в той стране родились. Или в той, но не в то время..

Что еще было до? Юноша достиг того возраста, что по законам его племени должен был стать «четвероногим», то бишь, жениться. И невеста была красивая. Хотя это самый тусклый эпитет в ее адрес. И почему была? Невеста и сейчас есть. Просто, другая она уже. Без жениха. Сидит с закрытой головой и принимает поздравления подруг и соседей. Не с помолвкой и не свадьбой. Поздравляют, что жених не пошел учиться дальше, потому что соседский мальчик повел его однажды на какое-то собрание. И вскоре жених стал одним из их лидеров. Поздравляют, что наконец-то принял самое важное решение в своей грешной жизни.

А автобус ехал себе, никому не мешал. В нем были люди – еврейской окраски. Взрослые и не очень – все торопились по своим делам. И не подозревали, что же было до?

Красивый, черноволосый мальчик шел себе по улице. И никому не было до него никаких дел. И никого он не видел. Ничего не понимал и никого не слушал. А только повторял про себя молитву. Неустанно. Так они шли веками. С молитвами на устах. Все фанатики всех религий мира. Шли не думая, даже не задумываясь. Шли убивать и осчастливиться. Каждый по – своему.

Так скажем лучше, что все-таки было до? А что было до, я вам расскажу после. После того, как наш герой дойдет до остановки. Он ждал автобус. Нужный. Самый переполненный. И был такой. Ну, тот, что ехал себе, никому не мешал. Но, видимо, кому-то он все-таки доставлял неудобства. Нет, не ему. Какое ему дело до автобуса? У него есть молитва и цель. Автобус мешал другим. Более богатым, очень богатым. А у него, кроме тела, которое вот-вот разорвется в клочья и души, которая попадет туда, что уготовлено свыше, ничего нет.

И вошел он в автобус и изменил правилу. Нельзя, нельзя смотреть в лица. А он смотрел. И на него смотрели, даже засматривались. Девчонки, в основном.

И вошел он в автобус, чтобы закончить свое короткое путешествие по этой жизни. И не должен был он больше видеть и слышать никого. А ему, наоборот, казалось, что он слышит и видит всех в автобусе и за его пределами. И его все видят и слышат. Ему казалось, что весь мир у его ног, что он отрывается от грешной земли и возносится. Все звуки затихают. Хочется услышать голос Всемогущего. Но сознание дальше не выдерживает, оно не может мыслить глубже. Оно ограничено. Забываются все молитвы и инструкции. Только – «Аллаху Акбар». После... Что было после, вы знаете. Я скажу вам, что же все-таки было до. Совсем-совсем до.

На обширной территории между Кавказом и югом Аравии жили люди. Они может и не принадлежали к одной расе. Только говорили эти люди на одном языке. Иврит, финийский, сирийский, ассирийский, халдейский и арабский языки очень близки и имеют общий исток. Современное языкознание, изучив, так называемые, семитские языки, доказало это.

Как и все народы, арабы имели доисторический период развития, но даже, в самых древних арабских преданиях не упоминаются времена до Авраама (Ибрахима). А узнать историю арабского народа до пророка Мохаммеда (да пребудет с ним мир) можно из древних еврейских книг. И из немногих документов оставленных греческими и римскими историками. И еще немножко из малочисленных описаний (например, ассирийских, или тех, что были найдены в городе Сафа, недалеко от Дамаска). О торговой деятельности арабов, а также возведенных ими городах мы можем прочесть в Библии. Вспомним величие арабских королевств Хира и Гасан, древнюю страну Йемен – колыбель арабской цивилизации, которая начала развиваться задолго до римлян. Да и вся арабская цивилизация нуждается сегодня в пристальном внимании. Нельзя рассматривать древних арабов как орду варваров и завоевателей, так как этот

народ задолго до римлян вышел на мировую арену, этот народ построил прекрасные города, этот народ поддерживал связи со всеми наиболее развитыми нациями.

Вот что было совсем-совсем до. Если в двух словах, конечно.

Глава 3

После утреннего намаза Ахмед решил прогуляться, хоть и ждала его Сара. О любви палестинца и еврейки знали, чуть ли не пол города. История их взаимоотношений постепенно превращалась в легенду.

Они любили друг друга. Сильно и безумно. Нет, это не совсем точное определение. Они понимали и чувствовали друг друга, как две руки одного тела. Они просто не могли жить друг без друга. И при всем этом, сегодня Ахмед не торопился к ней, потому что..., потому что не встретит его сосед Изик перед её домом и не расскажет свой новый, «супер-дупер» анекдот. Не расскажет. Никогда уже не расскажет. Сегодня квартал, в котором жила Сара, скорбит. Сегодня скорбит весь Израиль. Все евреи мира скорбят по тем 12-ти евреям, среди которых был и Изик.

«12 князей арабских, что от пророка Исмаила. 12 евреев – 12 колен, десять из которых потеряны. И 12 евреев тоже потеряны. Навсегда. Одним нелепым приказом еще более нелепого лидера. Всего-то делов, взорвали маленький автобус. И на земле на 12 евреев стало меньше. На войне как на войне – говорят французы. Французам легко. Сидят себе в центре Европы. Без войны, насилия и кровопролития. Не то, что у нас. Как я к ней пойду? Как я посмотрю людям в глаза? Что я скажу матери Изика? Что? О, великий Аллах, останови эту бойню, не позволяй нашим народам истреблять друг друга. Кто дал им это право?! Не Ты. Я знаю. Я верю» – Ахмед стоял на невысоком холме и смотрел вниз, на Иерусалим, на другой Иерусалим. Арабский. Географически тот же, но так сильно отличающийся от того, над которым стоял сейчас он. Ахмед обернулся и попытался взглянуть на Иерусалим еще раз, но другими глазами. Он хотел увидеть город заново, глазами приезжего. Но не смог. Иерусалим для него был родным домом, он обожал этот город. И тот Иерусалим, что простирался внизу своими узкими переулочками и шумными многодетными дворами, и этот Иерусалим, что на возвышенности – еврейский.

Сара не любила этот цвет, но была сегодня в черном. Она стояла неподвижно и смотрела в одну точку. А вокруг суетились люди. Мать покойного потеряла сознание. Ее приводили в чувство, но она, словно и не хотела возвращаться в этот нелепый мир, где нет сына. Поэтому, снова и снова теряла сознание, что заставило женщин вызвать скорую. Дети покойного Изика, их было пятеро, сидели у соседей. Мать Сары привела их к себе. Старшая дочь тихо плакала, обняв братика. А остальные были поменьше и не понимали, почему вдруг собралось столько людей, что происходит с мамой и бабушкой и почему все плачут?

Мама! – крикнула Сара, с порога сняв с себя косынку, – мама, это ужасно. Мама, когда это кончится?!

Самый маленький из детей, увидев Сару, подбежал к ней и стал проситься на руки. Сара взяла его и поцеловала два раза.

А папа целовал ее три раза, – произнес мальчик, который сидел со старшей сестрой.

Сара тихонько спустила малыша на пол и не выдержав, быстрыми шагами ушла к себе в комнату, скорей, она убежала туда. Очень трудно было не сорваться при детях. От боли и обиды Сара заплакала. «Когда, Боже, когда же все это закончится?». Плачь, переходил в истерику. Она вышла из комнаты, хотела выбежать из дома, но мать остановила ее, прижав к себе. Мать сама плакала, и даже не пыталась успокоить дочь. Саре надо было выплеснуть наружу накопленную за эти дни горечь и страдания. Она держалась весь день; смотрела за детьми, помогала жене и сестре покойного Изика. Теперь могла расслабиться и выплакаться. Так они стояли, обнявшись, мать с дочерью, и плакали, как плакали и мать и сестра, жена и дочь покойного. Так же, как плакали и страдали их прародительницы веками, оплакивая своих убитых, казненных, растерзанных и застреленных мужчин.

Глава 4

Салам-алейкум. – Али сел на корточки, рядом с друзьями.

Ва алейкума салам, – ответили они почти хором, – слышал новость, Али?

Про автобус? Да. Поздравляю вас, хорошая новость, – ответил Али.

Еще бы. Иншаллах, наш брат Салим, стал шахидом. Надо бы зайти к ним, поздравить родителей, – предложил один из них, самый старший.

Я был плохо знаком с покойным и не знаю где их дом, – сказал Али, закулив сигарету.

Какой дом?! Ты что, не знаешь, как они поступают? От его дома остались одни руины. Я знаю, где живет дядя Салима. Все у них собираются. А тебе, брат, стоит бросить курить, – сказал старший, чуть повысив голос. В его голосе чувствовалось раздражение. Но Али всем своим видом дал понять, что эту сигарету он намерен выкурить до конца.

После этого разговора они разошлись, договорившись встретиться вечером и пойти к дяде покойного. По дороге домой Али все думал об упреке своего друга: «Он не должен был при всех, хотя это был не упрек а „меслехет“ (совет). Мусульмане не должны упрекать друг друга. Успокойся. Да. Мне действительно надо бросить курить. Да и пить тоже».

Глава 5

Сара сидела в своей комнате и читала письмо от двоюродного брата, который служил на передовой армии Израиля. Он писал: «Дорогая Сарочка! Если бы ты знала, что мне приходится видеть и слушать каждый день. Местные жители нас ненавидят. И правильно делают. Но, то есть, частично. Раньше я этого не понимал. Думал, что солдаты и офицеры израильской армии святые, даже муху зря не обидят. Но, к сожалению, сестричка, это не так. Некоторые из них просто позорят честь защитника Израиля. Они издеваются над местными жителями, как только могут. Раньше, когда я был простым солдатом в тылу, я не видел всего этого. Но, даже если увидел бы, то не смог бы ничего предпринять. Но теперь, другое дело. Я прилагаю все свои усилия, чтобы не допустить несправедливость к местным жителям. Мне их жалко. И нас жалко. Израиль жалко».

«Израиль. Великий Израиль. Святой Израиль. Сколько тебе пришлось пережить, сколько событий и людей увидеть. Святые и прохвосты, пророки и убийцы, маленькие и большие люди жили и умирали на этой земле, на священной земле. На земле обетованной. Тысячелетиями твои земли завоевывали и делили. Тысячелетиями спорили, спорили, спорили... И все потому, что любили и боготворили тебя» – Сара уже не читала письмо. Ее мысли ушли в далекие времена, в прошлое. Она хотела представить себе другой, мирный Израиль. Не получалось даже мысленно вообразить эту страну без вражды, террора и ненависти. – «Как можно столько времени враждовать?»

Сара, куда делись все наши мясные чашки? – спросила Рита.

На месте. Где же им быть? – ответила Сара.

Я знаю, где они должны быть. Но там их нет, – в голосе матери появилось раздражение.

Вечно у тебя все пропадает – Сара направилась на кухню. Открыв шкаф, не поверила своим глазам. Мама была права. В шкафу не было ни одной мясной чашки.

Ну что?! – торжествующе произнесла Рита, – и сколько там чашечек, дочка?

Странно. Наверное, это Малыш опять что-то задумал.

Малыш! – позвала Рита. – Ты, случайно, не знаешь, где наши мясные чашки?

Малыш – двоюродный брат Сары, – гостил у них вот уже несколько дней. Он приехал вчера. Весь вечер вел себя необычно. То есть, не так, как раньше. С Малышом произошли заметные изменения. Куда-то исчезла болтливость; он, в основном молчал и не рассказывал, как раньше, всякие интересные истории из жизни его двора. Но, самое главное, все заметили, как он странно смотрит на родных ему людей. В его взгляде то и дело проскальзывали смешанные оттенки холода и недружелюбия. Ему было семнадцать, но по привычке, все называли его «Малышом», потому, что он был самым маленьким среди двоюродных братьев и сестер. У Ави, а именно так звали его на самом деле, был немного бунтарский характер. Но не по этой причине мать и дочь Либерманы решили, что исчезновение мясных чашек дело рук юного родственника. Просто им больше некуда было деваться.

Малыш молчал. И тогда Сара решила подняться на второй этаж, в отведенную для него комнату. Дверь была приоткрыта. Сара хотела постучаться, но через щель увидела на полу пирамиду из знакомых предметов, а именно мясных чашек бело-голубого цвета с золотой каемочкой. Малыш сидел на полу и с особым выражением лица наливал в них молоко из пачки и выпивал. Он приобрел молоко сегодня, специально для данного «ритуала». От увиденного Сара буквально потеряла дар речи. А Малыш был настолько увлечен, что даже не заметил, как она вошла в комнату.

Глава 6

– Салам алейкум, дядя Мухамед, можно войти? – стучась в открытую дверь, спросил Ахмед.

– Ва алейкума салам. А, Ахмед, сынок, заходи, добро пожаловать. – радостно поприветствовал племянника Мухамед, – тебе не надо спрашивать разрешения заходить в мой дом. Ты же знаешь, это и твой дом, твоя семья.

– Спасибо, дядя, как ваше здоровье? – поинтересовался

Ахмед.

Слава Аллаху, чувствую себя нормально. А у вас как? – спросил Мухамед и посмотрел на дверь.

На пороге стоял Али. У него было крайне недовольное лицо, видимо, оттого, что догадался о приходе Ахмеда, по туфлям, которые тот по обычаю снял при входе, у дверей. После того, как Ахмед начал встречаться с Сарой, Али стал недолюбливать его, хотя, «недолюбливать» – это не совсем точное определение. Он возненавидел своего двоюродного брата. Али считал, что, встречаясь с еврейкой, тот позорит их род, тем более, что знал намерения Ахмеда жениться на Саре. Не поздоровавшись, он прошел в другую комнату.

– Али – грозно произнес Мухаммед. – Вернись.

Али неохотно, но вернулся:

– Да, отец?

– Мусульмане здороваются, когда встречаются друг с другом. Напомнить как? – строго спросил старик.

– Салам алейкум – даже не посмотрев в его сторону, Али

поздоровался с Ахмедом и, не дождавшись ответа, вернулся в соседнюю комнату.

Не обижайся на него, сынок – попросил Мухамед.

Ахмед и не думал обижаться. Он даже улыбнулся. «Наверное, никто не умеет учить уважать родителей так, как это делают мусульмане», – подумал Ахмед, – «Я знаю, как Али меня ненавидит. Я знаю, попроси его тысяча друзей, он не поздоровался бы со мной. Но одно слово отца и веление Корана... Аллаху Акбар».

– Чему ты улыбаешься? – спросил его Мухамед.

– Али хороший парень, дядя и то, как он относится к тебе, намного важнее.

Отец – вернулся в комнату Али – наверное, я вернусь поздно, мы с друзьями собираемся навестить семью Салима, нашего брата, который стал шахидом.

Он повернулся, чтобы уйти.

– А я не считаю его шахидом – резко высказался Ахмед.

– Это почему?! Потому, что он убил твоих будущих родственников евреев?! – с сарказмом спросил Али.

– Потому, что он убил ни в чем неповинных людей, – Ахмед даже встал от возбуждения, – Кто ему дал право убивать невинных? Ладно, допустим, ты скажешь, что это месть за всех наших. Допустим. Но кто ему дал право убивать самого себя?!

Но есть фитвы... – хотел было возразить Али.

Плевал я на такие фитвы, – Ахмед повысил голос, – есть Коран, в котором говорится:

«И не убивайте самих себя, Поистине, Аллах к вам Милосерд»
(Женщины 29)

Коран запрещает самоубийства, запрещает однозначно. Коран нельзя дописывать и перекладывать. Он и это запрещает. Это последнее послание Аллаха людям и не оскверняйте Его. Аллах не простит вам этого.

Ничего, не ответив, Али повернулся и ушел. Он не знал ответа. Если честно, для него это был самый запутанный вопрос в Исламе. Да, впрочем, не только для него.

Сынок, успокойся, – Мухаммед взял Ахмеда за руку. – В твоих словах есть истина, но на счет фитв, ты зря. Фитвы могут давать не все. Только достойные люди, которые изучают Коран и Ислам всю свою жизнь. А они не могут давать неправильных и не обоснованных фитв.

Да, вот именно, дядя, они не могут давать фитвы на самоубийства. Пророк Мухаммед, да благословит Его Аллах и приветствует, сказал однажды:

«Не было из нас никого, кто призвал бы к фанатизму, не было из нас никого, кто воевал бы за фанатизм и не было бы из нас никого, кто умер бы за фанатизм».

(хадис приводится у Ибн аль-Акса)

Так что за всем этим, дядя, стоят другие намерения.

«Иногда кажется, что добрая половина человечества ополчилась на Израиль. А другая половина к ней равнодушна. Эта земля для остальной части суши, как Колизей для богачей, или как цирк для детей. Всем всегда интересно, что же там произошло сегодня, что случится завтра. После все сокрушаются, и каждый по разному поводу. Евреи и арабы зарекомендовали себя по-разному, и увы, не всегда в хорошем свете. Об отношениях, родственных связях, о разногласиях между ними написаны сотни книг, тысячи статей. Эти народы превратились в классических героев, а их отношения стали основой захватывающих сюжетов. Они уже не в силах остановить и повернуть вспять запущенный маховик зла и насилия. Все, что они могут сделать – это молиться Богу, уповая на него. Что бы не говорили, только истинная вера спасет наши народы от кровопролития» – размышлял Ахмед по дороге к дому Сары. Он не видел ее несколько дней, и это был очень большой срок для них. – «Сегодня я намерен попросить руки Сары у ее родителей. Да, именно сегодня. Я женюсь на ней, и мы будем счастливы. Иншаллах».

Глава 7

Ави, что ты делаешь?! – стараясь сохранить самообладание, спросила Сара.

Малыш не сразу среагировал. Во-первых, его застучали врасплох. Во-вторых, давно его не называли настоящим именем – а тем более, Сара.

Неприятно смотреть? Ты такая же слепая фанатичка, как тетушка? – наконец, ответил он.

Зачем ты это делаешь? – переспросила Сара, и не дожидаясь ответа,

принялась громить чашки на полу ногами. Малыш, никогда не видел Сару в таком состоянии. И такой реакции, честно говоря, от своей любимой сестрички он тоже никак не ожидал. Обессиленная, Сара села на диван. Малыш поднял голову. Его черные, как смола, глаза сверкали словно сверчки, а длинные ресницы придерживали слезинки, не позволяя им капать дальше. Во взгляде были непонимание и потерянности.

– Я, наверное, запутался – тихо произнес Малыш.

Подполз к Саре, обнял ее. Как в детстве, когда провинившись в чем-то, просил у нее прощения. Прижался лицом к ее коленям.

Сара хотела что-то сказать, но раздался звонок в дверь. На пороге стоял Ахмед с букетом белых роз. Его жгуче-черные волосы были чуть взъерошены, а челка, по своему обыкновению, спадала на глаза.

О, Боже, Ахмед, где ты был? – Сара обняла его и заплакала.

Сара, Сарочка, что с тобой? Успокойся. Я умоляю тебя. – Ахмед гладил ее по волосам.

Где ты был? Где ты был? – без конца повторяла она. – Почему тебя так давно не было?

Я не мог.

Они снова сделали это. Они убили Изика. – Сара всегда говорила «они», а не «ваши». – Кто-нибудь может ответить, когда наступит конец этой вражде?

Дядя Моше сидел в кресле гостинной, и с интересом смотрел заумную аналитическую передачу. Увидев пришедших, он со свойственным ему веселым оптимизмом поприветствовал их:

– Шалом – алейкум, молодежь.

– Здравствуйте, дядя Моше. Что показывают? – поприветствовав его спросил Ахмед.

Моше засмеялся:

– Знаешь, интереснейшая передача. В ней все время говорят. Умными словами. Они употребляют только умные слова в своих беседах. По другому эти евреи не могут. Если назвался евреем, то будь добр, говори умными словами. Но, почему, черт возьми, я не могу в этих умных беседах уловить хоть какой-то смысл?!

– Астафуруллах – произнес Ахмед, услышав «черт возьми».

– Умный набор слов еще не умное предложение, и умный набор предложений еще не умная мысль – продолжал Моше. – Такие передачи напоминают мне один доклад, который привез мне двоюродный брат, еще во времена Советского союза.

– Что за доклад, папа? – уже улыбаясь, спросила Сара.

– Это доклад на двух листах обычного формата. Но с этим докладом можно выступать сорок пять минут, час, три часа. Вся прелесть заключается в том, что его можно начинать с любого предложения и читать подряд по несколько раз. Смысл от этого не меняется. Потому, что в партийных докладах чиновников бывшего СССР никогда не было никакого смысла. Представляешь, сколько угодно долго можно читать эти мудреные предложения с любой строки и никто не догадается, что ты говоришь то же самое. Гениально.

В это время в комнату вошла Рита:

– Опять ты завелся, старик?

– Внимание, сигнал SOS. Среди нас находится достопочтенная еврейка из колена левитов, – тут же отреагировал Моше.

– Да. Я из левитов. И, между прочим, горжусь этим.

– Особенно тем фактом, что и Маркс был из левитов.

– И не только Маркс.

– Не надо. Я уже слышал длинный перечень имен благочестивых раввинов.

Рита взглянула на Сару и Ахмеда:

– Иногда мне кажется, что я вышла замуж не за еврея.

Моше, сморщил нос:

– За еврея. Увы, ты вышла замуж за еврея. За это можешь не беспокоиться.

Ахмед вмешался в разговор:

– Увы? Жалеете, что вы еврей, дядя Моше?

Моше:

– Нет, конечно – ответил Моше. – Разве что иногда. Когда мне становится стыдно за некоторых евреев.

Ахмед вдруг вспомнил Али. И его лицо, когда речь заходила о евреях.

– Понимаю, – сказал он. – Я вас очень хорошо понимаю, дядя Моше.

Моше помолчал. Потом продолжил:

– Ты знаешь кто такой Генри Форд. Так вот, еще в начале двадцатого века он сказал: «Подвергните контролю 50 самых богатых еврейских финансистов, которые творят войны для собственных прибылей, и войны будут упразднены» Я всегда боялся, что моя дочь вырастет и поймет, в каком безумном мире она родилась. Меня страшила одна только мысль о том, что когда-то она начнет анализировать события, происходящие в мире. И в один прекрасный день поймет, что жизнь полна несправедливостей. Сумеет ли она уберечь себя.

Папа, что это с тобой?

Дядя Моше, не беспокойтесь, у Сары есть я – вставил Ахмед, но его перебил Моше, и в его глазах сверкнули уже совсем другие искорки:

Ага, а у тебя есть Ясир Арафат. – Он захохотал.

Ахмед и Рита тоже уже хохотали. Да и Сара тоже. Ей всегда казалось, что отец всегда будет молодым и красивым. Это еще с детства – полная уверенность, в том, что родители останутся неизменными, что будут заниматься тобой вечно. Но годы брали свое. Сара поймала себя на мысли, что никогда до этого она не думала о том, что родители тоже смертны. И странно, что впервые подумала об этом сейчас, смеясь над шуткой отца.

Сделав над собой усилие, немного порозовев в щеках, Ахмед произнес:

Дядя Моше, тетя Сара, я хочу сделать... В общем, я

хочу попросить руки вашей дочери. Я знаю, что нарушаю все традиции, но, поверьте, не по своей воле, а в силу сложившихся и известных нам всем обстоятельств.

Ишь ты. Отчеканил речь. Специально готовился, или это экспромт?

Моше сделал преувеличенно серьезное лицо.

Рита укоризненно посмотрела на него:

Будет тебе, старик. Не видишь, парень, нервничает, извелся весь.

Моше улыбнулся:

Шучу я. Он понимает. Ахмед, сын мой, наша семья тебя и

семью твою знает не первый год. Царство небесное твоему отцу и дай Бог здоровья матери. Мы знаем, как вы любите друг друга. Если хочешь знать наше с Ритой мнение, то, ну, в общем, ты сам знаешь, что мы думаем обо всем этом.

Рита пришла на помощь:

Мы только можем пожелать вам счастья. Но вы даже и представить себе не можете, какие трудности ждут вас впереди.

Теперь настала очередь Моше укоризненно взглянуть на жену:

Что ты несешь, мать? Какие трудности? Все будет «беседер» (в переводе с иврита означает все хорошо). Благословляю вас, дети мои. Будьте счастливы.

И поцеловал обоих. Рита сделала то же самое. Только молча, еле сдерживая слезы. Сара и Ахмед не верили, что все решилось так быстро. Неужели, они будут вместе? Господи, убереги наш союз и сохрани.

Глава 8

Ави вышел из своей комнаты. Услышав голоса в гостиной, поспешил туда.

Салам-алейкум, Ахмед – произнес он, едва войдя в комнату.

Ва алейкума салам – поприветствовал его в ответ Ахмед, слегка удивленным тоном в голосе.

Сара все еще злилась на братика. Никакого вразумительного объяснения странному поведению Ави она не находила, да и он ничего не объяснил пока. Моше и Рита только молча улыбнулись ему в ответ. Они еще ничего не знали о случившемся наверху.

Как твои дела, Ави? – поинтересовался Ахмед.

Слава Аллаху – ответил Ави, чем привел присутствующих в легкое недоумение. – Скажите, Ахмед, а вы хорошо изучили Коран?

Вопрос прозвучал, как гром среди ясного неба. Рита так и застыла с подносом в руках. Дядя Моше перестал улыбаться, хотел, было что-то сказать, но его опередил раньше всех оправившийся Ахмед:

Даже всей жизни не достаточно, чтобы до конца изучить и постичь Коран, Малыш. На сегодняшний день, я его знаю достаточно, чтобы более или менее правильно ориентироваться в жизни. А может и ошибаюсь.

Тогда ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. Приветствуется ли в Исламе давать деньги в рост, ну, на проценты?

Ни в коем случае. Это один из самых больших грехов в исламе.

В Коране по этому поводу говорится:

«Аллах разрешил торговлю и запретил рост. К тому из ростовщиков приходит увещание от Господа, и он удержится, тому прощено, что предшествовало: дело его принадлежит Богу; а кто повторит, те – обитатели огня, они в нем вечно пребудут»
(2:275)

«Уничтожает Аллах рост и выращивает милостью»
(2:276)

И еще: «Бойтесь Аллаха и оставьте то, что осталось из роста, если вы верующий»
(2:278)

А если наши должники испытывают тягость, то ждать нам надлежит, до тех пор, пока дела его не облегчатся. Еще лучшим благодеянием будет, если мы простим им этот долг – *«А если кто в тягости, то – ожидание до облегчения, – ведь оказать милость – лучше для вас, если вы знаете»*
(2:280)

– учит нас священный Коран.

Правильно, значит, говорил Фаррух. А еще он говорил, что евреи, где бы они не жили, не занимаются ничем иным, кроме коммерции и ростовщичества. Поэтому, они везде презираемы. Как бедные, так и богатые – задумчиво сказал Малыш.

Сынок, ты не совсем прав. И Фаррух твой – тоже, – спокойным, но серьезным тоном начал Моше. – Не все евреи занимаются ростовщичеством, тем более, в наше время.

А банки? Международный Валютный Фонд? Мировой Банк? Кем они созданы – разве не еврейскими финансовыми кланами? Чем они занимаются, не ростовщичеством? – с напором спросил Малыш.

Где ты всему этому набрался? Кто такой Фаррух? – в разговор вмешалась Сара.

Не имеет значения, – сказал Малыш. – Вы все знаете, что я прав.

Дядя Моше, ну скажи, пожалуйста, какая разница? Раньше были купцы, не знаю, землевладельцы, ростовщики, а теперь – крупные еврейские банки, которые дают крупные кредиты целым странам. Многие из них пытаются вернуть долги, доводят свое население до нищеты.

Народ до нищеты доводит, прежде всего, коррумпированный чиновничий аппарат. Взятничество – вот что губит страны— сказал Моше.

Еще стоит напомнить Малышу, что существуют и крупные финансовые кланы арабских шейхов – произнес Ахмед, и улыбнувшись добавил. – Что это ты напустился только на бедных евреев?

Кстати и Тора запрещает ростовщичество – вмешалась в разговор Рита,

– «И если обеднеет брат твой и придет в упадок, то поддержи его, пришелец ли он или переселенец, и будет он жить с тобой. Не бери с него проценты с роста, и бойся Всесильного своего, чтобы жил брат твой с тобой. Серебра своего не давай ему под проценты и за лихву не отдавай ему хлеба твоего»

(Ваикра 25:35,36,37)

– вот что говорит нам Тора.

Браво! Рита, ты истинная последовательница наших праотцев – проапладировал ей Моше.

Под выражением «Брат твой» имеются в виду евреи. Так что, тетя Рита, вы только подтвердили правоту моих слов – почему-то повеселев, сказал Малыш, и добавил, – Фаррух говорит, что Тора учит не давать в рост евреям, а иноземцам, то есть всем не евреям, давать деньги под ссудные проценты Тора разрешает.

Да, но кто, действительно бережет свою душу, не сделает этого.

«Да не берет никто в залог ни мельницы, ни верхнего жернова, ибо жизнь берет он в залог»

(книга «Дварим» 24:6)

– говорится в книге «Дварим» – продолжила Рита, не собираясь сдаваться..

Не понял, почему? – спросил Малыш.

При помощи мельницы и жерновов человек готовит себе пищу, необходимую для жизни, вот почему, сынок. А еще в книге «Дварим», в разделе «Вдовы и сироты» говорится

– «Не искажай закона для пришельца, сироты, и не бери в залог одежды вдовы».

(книга «Дварим» 24:17)

И, вообще, евреям запрещено брать в залог. Этот запрет – одна из заповедей.

Вот именно. Евреям брать в залог нельзя, а давать можно. А это большой грех – говорит Фаррух – не успокаивался Малыш.

Слушай, кто такой этот Фаррух?

Это мой друг – ответил Малыш, подойдя к двери. – А скоро – и брат.

Он вышел.

Когда раньше Малыш обижался на весь мир, только Моше мог успокоить его и снова подружить с ним, то есть с миром. Но, на этот раз дело обстояло иначе. Все было гораздо серьезнее.

И все это почувствовали.

Глава 9

«Аллаху-акбар» – прозвучало вновь. На этот раз в Тель-Авиве. Рядом с автовокзалом. И снова взрыв. Взорвали ночной клуб под названием «Тахана меркези», что в переводе с иврита означает «автовокзал». Вновь слышны душераздирающие крики женщин, плач детей. Откуда же в ночном клубе дети? Да не было детей вовсе. Кричали и плакали взрослые люди – но как дети. Беспомощно и жалостливо – как дети. В который уже раз, уже и не сосчитать. Взрывы, стоны, боль, вражда, кровь. Много крови. Машин скорой помощи подъехало штук двенадцать. Подоспел и наряд пожарников, но ничего тушить не пришлось. Огня особо и не было. Только догорали останки одежды и обуви. Догорала и крышка автомобиля, взорвавшаяся рядом, то ли от огненной волны, то ли от отлетевших осколков бомбы. Догорало оборудование клуба. Догорали трупы. Осколками были убиты и ранены десятки людей. Все было в дыму. В эти мгновения в дыму были и отношения между евреями и арабами, в дыму был весь Израиль.

Что же произойдет после? А после последует ответ. Молниеносный, не заставляющий себя ждать. Такой же жестокий и кровопролитный. И взлетят самолеты, и поедут танки. Потом будут осуждать израильскую армию за слишком суровый, еще пуще, неоправданно жестокий ответ на вчерашний теракт. И взлетят в воздух дома организаторов, и получат их семьи денежные компенсации, или, о Боже – как же язык поворачивается, – вознаграждение за содеянное их же отпрысками. А что дальше? В смысле, что после? После погибнут люди – арабской окраски. Тоже невинные, в большинстве своем. И будут и дети среди них и женщины и старики. Если пуля дура, то, что говорить о ракетах? Жили себе палестинцы, никому не мешали. И вот на тебе. Воздушная тревога. «За что? Мы-то здесь при чем?» – спросят они. Никто им сейчас не ответит. Танки не понимают ни арабского, ни иврит. Они стреляют и сносят. Сначала один дом, потом другой, потом третий. Хотя, если они могли бы говорить, то поведали бы о том, что было до. Они были здесь и раньше, стояли в оцеплении, еще во времена первой интифады. И видели танки двух парней, выросших вместе. Они были соседями, учились вместе. И на собрания начали ходить вместе. В другом месте, но по сути такие же, которые посещал юноша из автобуса. И вместе решили сменить форму бытия, переместиться в мир иной, только предварительно создав «твердую и благоприятную почву». Точно так же, с молитвами на устах сели они в машину, напичканную взрывчаткой, и заехали прямо вовнутрь ночного клуба. И «Аллаху Акбар» прошептали вместе. После, ... что было после, вы уже знаете. Посмотрим, что же было до. Совсем-совсем до.

А до, давным-давно, очень давно, еще в V веке правитель Йемена принял иудаизм. Его королевство оставалось полуеврейским до самого падения под ударами ассирийцев и византийцев. На северо-западе евреи все еще сохраняли свое влияние. Они принесли новую культуру финиковой пальмы, они были ювелирами и ремесленниками. Как и их соседи, арабы, евреи делились на племена, и некоторые оазисы и города находились в их руках. Отношения евреев с их соседями арабами были дружественными. В анналах арабской литературы хранятся имена еврейских поэтов и поэтесс, еврейский фольклор стал неразрывной частью легендарной истории арабов. Но скоро у арабов появилась новая религия. Она стала очень быстро распространяться и в скором времени все традиционные места еврейского поселения, – Египет, Палестина, Сирия. Месопотамия, Персия, – были захвачены арабами. Но евреям разрешалось исповедовать свою религию. Веротерпимость ислама в течение последующих веков оставалась одним из важнейших факторов еврейской истории.

Но это было совсем-совсем давно.

Глава 10

Моше и в этот раз пошел все-таки за Малышом. И опять попытался примирить его с миром.

Но в этот раз он начал издалека.

– Что нового в Интернете о твоей любимой Америке? – спросил он.

Что? При чем здесь Америка? – не понял Малыш.

Да я так, просто спросил. Меня твоя Америка совсем не интересует.

А почему она моя, дядя Моше?

Потому что ты бредишь ею день и ночь.

Уже нет.

Почему? Какая досада. Наверное, потому, что и Фарруху она не нравится?

Малыш ничего не ответил, только фыркнул.

Я угадал. А знает ли твой Фаррух, кто открыл Америку?

Это общеизвестный факт

Неужели? А насколько общеизвестен тот факт, что экспедиция Христофора Колумба была снаряжена, в основном, на еврейские деньги? Ах да, совсем забыл, Фарруху не интересует Америка. Там ведь не живут мусульмане. Все мусульмане проживают в Палестине. Ну и ладно, черт с ней, с Америкой. Оставим ее в покое. Вернемся к Колумбу, точнее к Испании. – И Моше поведал Малышу одну историю. – В XV веке в Испании жил один еврей. Звали его Ицхак Абарбанель. Будучи финансовым гением, он был министром финансов при дворе короля Фердинанда. Так вот этот самый еврей смог за короткий срок ощутимо заполнить совершенно пустую, нищую казну. За его счет была организована свадьба Фердинанда и принцессы Изабеллы. А про экспедицию Колумба я уже говорил. И что ты думаешь, евреи получили в награду от короля? Изгнание, сын мой. Изгнание евреев из Испании, в ответ на все заслуги и верную и честную службу. За два столетия до этого события, в 1290 году евреи были изгнаны из Англии на 400 лет. И шекспировский ростовщик-еврей Шейлок был списан из своих же англичан. Сам Шекспир ни одного еврея в жизни не видел. А все потому, что многие сильно задолжали еврейским ростовщикам и использовали религиозный мотив, как повод избавиться от них. Впервые прозвучало обвинение евреев в ритуальных убийствах. Без суда и следствия были повешены 19 ростовщиков. А король Эдуард I, прибрав всю собственность евреев, ловко избавил дворян от кредиторов. Таких изгнаний было немало – опыт англичан оказался удачным. Евреев стали массово изгонять из всех европейских стран в течение 2-х веков, пользуясь тем же обвинением. Можно, разумеется, предположить, что причиной тому был имидж евреев как «кровососов трудового народа». До VIII века евреи успешно занимались банковским делом в Европе. Потом их начали теснить «конкуренты». Но ничего хорошего из этого не получилось. Проценты у христианских ростовщиков не опускались ниже 33-х. А за риск и недолюбливание, а то и откровенное презрение народа, проценты нередко доходили и до ста.

Почему ты мне все это говоришь, дядя? – Тема Малыша заинтересовала, но он не мог понять, почему Моше рассказывает ему об этом.

А потому, что ты еврей, сын еврея, внук еврея, дурья твоя башка.

Ты обязан знать, что последние полторы тысяч лет евреям пришлось заниматься денежными операциями. Твои предки во многих местах были подчасу единственной грамотной прослойкой населения. Нескончаемые преследования и изгнания, резня и войны не позволяли евреям иметь внушительные недвижимые имущества. Чтобы уберечься от пожаров и конфискации, евреи держали основную часть своего состояния в деньгах. Это было целесообразнее. Вспомни, даже в наш цивилизованный век, после образования государства Израиль, между

1948 и 1967 годами, почти все евреи Адена, Алжира, Египта, Ирака, Сирии и Йемена покинули эти страны, опасаясь за свою жизнь, хотя официально их никто не высылал.

Все равно, евреи любят деньги больше всех, – буркнул Малыш.

Не больше и не меньше остальных. Просто, у евреев денег больше.

Что поделаешь? У каждой нации своя специфика. А между тем, деньги вовсе не еврейское изобретение. На нашем языке даже слова этого нет.

Малыш хотел возразить, но Моше не позволил:

«Кэсэф». Дословное значение – серебро. Если бы деньги были так важны для евреев, то в иврите должны были бы быть отдельные слова для всех видов валют и расчетных знаков. Вот для арабов верблюд веками был самым важным в жизни. Поэтому, на арабском языке для всех разновидностей верблюдов есть отдельное слово.

А-а, а в иврите 30 синонимов слова вопрос – как бы понял Малыш, и оба засмеялись. Видно Малыш потихоньку возвращался в свое обычное состояние.

В иудаизме, так же как в христианстве и исламе, существует запрет давать деньги под проценты – Моше решил окончательно укрепить свои позиции. – Нарушителей ждет страшное наказание. Они не будут воскрешены из мертвых после прихода Машиаха. Даже «спасибо» при возврате денег нельзя говорить. Если вы отдаете сумму за сумму, то, какое «спасибо»? Запрет на ростовщичество – это очень мудрый и справедливый закон. Какие собрания вы посещаете? Или ты ходишь в мечеть? В какую?

Неожиданно заданные вопросы застали Малыша врасплох. Дядя смотрел ему прямо в глаза. Но Ави не хотел говорить правду. Он понял, что дядя догадался о его интересах за последние несколько месяцев, но признаться самому было не легко. А вот и спасение; в коридоре слышались звуки шагов и через мгновение в распахнутых дверях комнаты появились Сара и Ахмед.

Папа, я провожу Ахмеда? Я ненадолго – попросила дочь отца.

До свидания, дядя Моше, спасибо вам за все. Я заеду завтра. Ведь нам надо многое обсудить – попрощался Ахмед и взглянув на Малыша, улыбнувшись, попрощался и с ним, – салам-алейкум, Малыш.

Малыш только помахал головой, которая в данный момент была занята разработкой плана побега. А дядя Моше поднялся и пошел в сторону детей. Сработал инстинкт, – провожать гостя до порога, – который является веками соблюдаемой традицией народов Востока.

До свиданья, сынок, Бог тебе в помощь. Ни о чем не беспокойся.

Поверь старому доброму еврею. Я провожу вас. – Он вышел из комнаты вместе с ними.

Вскочив со стула, Малыш подбежал к входным дверям. Бросив всем «я скоро вернусь», он так быстро открыл дверь и исчез из виду, что никто не успел даже слово сказать. Дядя Моше только покачал головой и, обращаясь к дочери, сказал:

Только недолго. Скоро стемнеет.

Я же в своем квартале, папа.

Все равно, я беспокоюсь. И мать тоже, – Моше посмотрел на жену.

Действительно, дочка, не задерживайся, уже поздно. До свидания, Ахмед. Храни вас Господь, дети – сказала Рита.

Глава 11

Али находился в пренеприятнейшем расположении духа. С утра в голову лезли дурные мысли. Он даже не совершил свой утренний «намаз». В последнее время такое с ним происходило частенько. «Ну что, несчастный, по какой причине на этот раз сходишь с ума. Шайтан попутал? Не можешь отогнать его прочь? Не удивительно. Ты для сатаны идеальный объект совращения: слабохарактерный, без твердой веры в душе. Почаще посещай мечеть, хотя бы каждую пятницу. Да что тебе говорить, без толку. Воистину Аллах всемогущ и выводит на путь истинный, кого захочет.

«Аллах призывает к обители мира и ведет, кого пожелает, к прямому пути».
(Коран, глава 25)

– говорится в священном Коране, в 25-й главе Суры Йунус» – примерно такой текст приходилось слышать Ахмеду от соседа, местного имама мечети Омара, когда тот встречал его в нетрезвом состоянии, или играющим в карты где-нибудь в переулке. Когда-то они учились в одной школе, дружили, но после пути их разошлись. Причем, настолько, что Омар даже не здоровался с ним за руку.

И сегодня Ахмед был легкой мишенью для всякой нечисти. Ему хотелось кардинальных перемен в жизни. Все осточертело. Он не видел никакого смысла своей никчемной жизни. Денег не было. Работы тоже. Да и особой охоты работать не было. Слишком много чего «не было». А что же у него было? Ненависть, наверное. К соседу Малику, за то, что тот каждый раз закладывал его отцу, к евреям, за загубленную молодость, к двоюродному брату, Ахмеду, за то, что возлюбил душегубцев. Достаточно, чтобы встать и выйти на улицы города, выплеснуть наружу такое количество негатива. Нет, речь идет не о кровавом теракте, скорее о мелком и среднем хулиганстве.

Находясь уже на улице, Али, вспомнил про статейку в одной из местных газет. Он не запомнил имя автора, только то, что был он не арабом, а писанину его перевел известный палестинский журналист-обозреватель, после каждого абзаца позволяющий себе вольный и резкий комментарий.

«В чем же причина, что именно исламские организации являются самыми агрессивными и безжалостными террористическими организациями?» – задавал вопрос автор статьи и тут же на него отвечал. – «Это – нищета. Нищета и низкий образовательный и культурный уровень большинства населения арабских стран порождает комплекс зависти к благополучным народам. А зависть, смешанная с безысходностью, как известно, порождает злость и агрессивность. Низкий культурный уровень создает хорошую почву для легкой внушаемости. Даже самые примитивные и абсурдные религиозные взгляды и комментарии усваиваются с легкостью. Еще одна причина – относительная молодость ислама и стремление распространять свою религию любыми путями, в том числе насильственными. В совокупности, все эти причины делают их легко подверженными религиозной дезинформации и религиозному фанатизму» – почти дословно вспомнил Али слова иностранного журналиста. Только Али сама статья показалась куда интересней, чем его обзор – полный сарказма и насмешек, и у него был свой собственный комментарий к подобного рода высказываниям. Самому себе он мог признаться в правоте иностранного журналиста. Но от такой объективности становилось не легче, скорее наоборот.

Так он доплелся до окраины своего большого квартала. Но мысли то и дело прерывались; то на громкие выкрики ребят, стоявших в подворотнях, то на яркие рекламные огни, свет от которых отблескивал до этих полутемных кварталчиков. Значит, он приближается

к «другой половине» Иерусалима. Уже почти стемнело. В эту пору там намного интереснее, чем в «своей половине» города.

Глава 12

«Аллаху Акбар». Что, опять? Но где же взрыв? Нет, ничего не произойдет. Это эхом доносится из далекого 7-го века возглас «тех, кто подчинился». Вопреки здравому смыслу они пошли против двух врагов одновременно. Единственный способ победить двух врагов – заключить союз с одним из них против другого, но это не для мусульман. Ведь они те, кто подчинился Ему. И Он не оставил арабов в борьбе с Персией и Римской империей. К 636 г. они захватили Сирию и Иудею, а к 640 г и Египет был повержен. В эти же годы со словами «Аллаху Акбар» мусульмане покорили и Персию.

А когда-то могущественный правитель Персии Хосрой II получил послание из Аравии, порвал его и больше о нем не вспоминал. Какой-то арабский фанатик приказывал ему отречься от собственной религии и принять религию этого араба, выступавшего ее пророком. Этим арабом был Мухаммед (да пребудет с Ним мир). Еще в 610 г. он выступает с первыми проповедями, в которых провозглашает единобожие. Говорит о страшном суде, о справедливости, о бессмертии души и загробном возмездии. Он постепенно объединяет вокруг воинственные арабские племена, вдохновляя их пламенной верой в новую религию – в ислам. А началом отсчета мусульманской эры считается год 622-й, когда Мухаммед (да пребудет с Ним мир) под угрозой смерти бежит из Мекки в Медину.

Глава 13

Фаррух весь день сидел дома за компьютером. Общался с «братьями» (так называют друг друга все мусульмане мира) проживающими в разных уголках земного шара. Параллельно он переписывался и со старыми знакомыми. Скоро они ему понадобятся. Вчера он встречался с двумя представителями иорданской ячейки своей организации. Он прекрасно понимал всю опасность этой затеи, встреча была назначена во всегда переполненном кафе в центре Иерусалима. На самом деле он и понятия не имел, насколько могущественна и богата его контора. Каждый из членов знал только людей своей ячейки. Поэтому когда Фаррух получил из центра поручение встретиться с иорданцами, сначала не поверил своим ушам, и, только спустя некоторое время, до конца осознав услышанное, конечно, дал свое согласие. Пока сидел в кафе, думал о том, в каких еще странах могут быть филиалы его организации. Разговор с иорданцами внес немного ясности, во всяком случае, Фаррух узнал, что филиалы есть, и как минимум в десяти странах мира. Более того, Фаррух получил новое задание – «командировку» в далекую страну. Открывать одиннадцатый. Иорданцы не посвятили бы его в такие подробности своей деятельности, если бы он почти идеально не подходил бы для предстоящей работы. Дело в том, что отец Фарруха учился в Москве. После женитьбы на его матери отец увез ее с собой в далекую и холодную Россию. Фаррух родился и вырос в Москве, неплохо говорил и писал по-русски. После окончания университета отцу предложили работу в консульстве в Ленинграде. Они вернулись на родину, когда ему было уже 15.

Итак, он получил новое задание и решил остаток сегодняшнего дня посвятить подготовке к нему. Тем более, что времени было в обрез. Всего три дня для того, чтобы поднять адреса и телефоны всех друзей и знакомых в регионе, выработать генеральную стратегию своей деятельности и многое другое. Вот тактику можно было выработать на месте, по приезду в пункт назначения. А места эти были Северный Кавказ и Азербайджан, край неопишуемой красоты, только больно непредсказуемый. Проживают в этой зоне так называемые «горские евреи» – таты. Будучи выходцами из Персии, они иудеи по вероисповеданию. Но по ментальности и внешне очень похожи на местных жителей. И привлекли они внимание руководителей Фарруха тем, что «горские евреи» вот уже несколько поколений проживают в мусульманской среде. Они переняли многое из обычаев местных народов. «И на Кавказе и в Азербайджане верховенствующей религией является ислам, и это создает великолепную почву для частичного осуществления нашей священной миссии – обращения этой этнической группы евреев в ислам» – вспоминал Фаррух слова иорданских братьев. Предполагалась некоторая работа в Москве и Питере. Фаррух был знаком с некоторыми еврейскими семьями – выходцами из южных регионов, которые проживали в российских столицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.